
ИДЕИ МИХАИЛА БАХТИНА И ВЫЗОВЫ XXI СТОЛЕТИЯ

(Из материалов XVII Международной Бахтинской конференции. Саранск, Россия, 05–10 июля 2021 г.)

УДК 801.73

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.01

В.Л. Махлин

«ТВОРЯЩЕЕ СОЗНАНИЕ», ИЛИ М.М. БАХТИН МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Аннотация. В статье рассматривается, во-первых, общая ситуация с наследием М.М. Бахтина, во-вторых, намечен подход к его мышлению в условиях современности, в-третьих, анализируется бахтинская концепция автора как «творящего сознания». Соответственно, исследование состоит из трех разделов. В первой части анализируются причины несоответствия между мировой известностью Бахтина и проблематичностью его «влияния». Во второй части обсуждается возможность «другого начала» в гуманитарно-филологическом мышлении после конца Нового времени; когнитивный потенциал «нового» (и будущего) заключен не столько в современности исследователя, сколько в современности исследуемого прошлого («будущее-в-прошедшем»). В третьем разделе показано, что «творящее сознание» не столько экзистенциально и монологично, сколько гротескно и диалогично («выходит само за себя»), т.е. выходит в конкретно-историческое «событие бытия». В этом смысле бахтинская концепция персональности и авторства преодолевает идеал автономии Нового времени, противопоставляя ему социально-онтологический принцип «причастной автономии – или автономной причастности» всякого «творящего сознания» – в жизни, искусстве, науке.

Ключевые слова: Новое время; другое начало; будущее-в-прошедшем; творящее сознание; причастная автономия.

Получено: 15.08.2021

Принято к печати: 10.09.2021

Информация об авторе: Махлин Виталий Львович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва,

Россия. Профессор, Московский государственный педагогический университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991, Москва, Россия.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

Для цитирования: Махлин В.Л. «Творящее сознание», или М.М. Бахтин между прошлым и будущим // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 9–27. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.01

Vitalii L. Makhlin

“CREATING CONSCIOUSNESS”, OR MIKHAIL BAKHTIN BETWEEN PAST AND FUTURE

Abstract. Three things are investigated in the present article: first, the general situation in the so-called Bakhtin studies, East and West; secondly, a possible new approach to Bakhtin’ thinking in the context of the “non-Bakhtinian” ideological and scientific atmosphere after the end of the new times, or the Modernity; thirdly, some preliminary commentary is given to Bakhtin’s notion of authorship, or the “creating consciousness”. Consequently, the first part of the article is a discussion of the disparity between Bakhtin’s world-wide popularity and the general problematicity of his “influence”. The second part is an attempt to investigate some possibility of “another beginning” in the humanities in general and in Bakhtin studies in particular. While a possibility of creative future, or the “new”, doesn’t seem to exist within the horizon of the present, it is not the present, then, but the creative past of the previous epochs is likely to hermeneutically produce possibilities to enrich our creative potential in the modus of “future-in-the-past”. The last part of the article demonstrates a possibility of “another beginning” elucidating Bakhtin’s concept of authorship as a “creating consciousness”. In the Bakhtinian thinking, a creating author, as well as an active person, is not so much existential or monological, but, rather, grotesque and dialogical. Authorship as the “creating consciousness” seems to overcome the ideal of autonomy typical for the Modernity by his alternative principle of the “autonomous participation or participating autonomy” in life, in art, and in science.

Keywords: the new times; another beginning; future-in-the-past; creating consciousness; participating autonomy.

Received: 15.08.2021

Accepted: 10.09.2021

Information about the author: Vitalii L. Makhlin, DSc in Philosophy, PhD in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii Prospect,

51/21, 117418, Moscow, Russia. Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya Street, 1/1, 119991, Moscow, Russia.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

For citation: Makhlin, V.L. ““Creating Consciousness”, or Mikhail Bakhtin Between Past and Future”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 9–27. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.01

В этой работе я коснулся двух проблем научного наследия М.М. Бахтина: одна обращена к прошлому рецепции, другая – к будущему в смысле возможного «другого начала» в бахтиноведческих исследованиях. Затем я постараюсь наметить направление такого начала в отношении к кардинальному и сквозному понятию мышления М.М. Бахтина – понятию автора как *творящего сознания*.

Черный квадрат

Сегодня, сто лет спустя после того как молодой Бахтин в Витебске взялся за написание своей научно-философской программы, исследователи его творчества оказываются перед необходимостью, говоря его словами, *пересмотря штампов* [1, т. 5, с. 493], сложившихся в истории рецепции, начиная с 60-х годов прошлого столетия, растиражированных с тех пор во всем мире в качестве чего-то общепонятного и само собой разумеющегося. Потребность в пересмотре расхожих представлений и мнений в преодолении инерций восприятия и мышления становится по-новому актуальной в наше время – правда, уже не в том значении «нового» и «актуального», которое утвердилось в Новое время с его культом прогресса.

Тот факт, что М.М. Бахтин, ненаучно выражаясь, «не наша дичь», что «взялся» он не из «постсовременности», открывшей его в 1960-е годы и позднее, а из совсем другого мира жизни и мысли, – это обстоятельство, конечно, как-то ощущалось с самого начала, но воспринималось подчас с сознанием превосходства *своей* современности перед лицом, казалось бы, уже ушедшего в небытие прошлого. Как если бы *вненаходимость* опыта и открытиям прошлого сама по себе позволяла использовать прошлое как готовый и безответный «материал для оформления», как выражались русские формалисты, вокруг 1917 года! И вот эта духовно-

идеологическая установка Нового времени – так называемый модерноцентризм¹ – повсеместно рухнула на новом рубеже двух столетий; произошел крах оснований самой идеи «культуры / образования» (Bildung), а тем самым и оснований научно-гуманитарного сознания и мышления Нового времени. Вообще. Все это проливает свет на то, что немецкий философ и теолог итальянского происхождения Романо Гвардини еще в середине прошлого столетия зафиксировал как «конец нового времени» в одноименной книге [6], – глобальная ситуация, которую отражает среди прочего произошедший в «нулевые годы» распад бахтинистики, или Bakhtin studies, как перспективного научно-гуманитарного тренда.

Как следствие, идеи и тексты М.М. Бахтина, выпавшие из *своего* времени, но тем более поразившие читателей в *другое* время, стало удобно и модно воспринимать и, так сказать, разывать исходя из *избытка видения* постсовременников, на самом деле «опоздавших» на 40, 50 и 70 лет со своими «постмодернизациями»².

В новом столетии духовно-идеологическая ситуация в России и в мире изменилась настолько, что рецепция уже не может быть такой наивной и самоуверенной, какой она была в 1960-е – 1980-е годы. Сегодня при упоминании имени М.М. Бахтина литературоведы и филологи нередко морщат нос и стараются забыть (если помнят) тот поистине исторический энтузиазм, с которым М.М. Бахтин воспринимался в упомянутые десятилетия не только в гуманитарных дисциплинах, но и в околонаучном общественном сознании. Тогдашний энтузиазм был – при всей своей наивности (или благодаря ей) – в своем роде глубоким в СССР и на Западе, поскольку отвечал стремлениям освободиться от прежних догм и штампов, – вне той общественной атмосферы и контекста непони-

¹ «Для “модерноцентризма”, – отмечал А.В. Михайлов, – характерно мыслить современное состояние науки, во-первых, как вершину развития этой науки, а во-вторых, вследствие этого, – как меру всякого научного материала» [12, с. 228]. Еще резче, имея в виду историю естествознания, Т. Кун в своей знаменитой книге «Структура научных революций» (1962) писал об «искушении переписать историю ретроспективно», называя эту тенденцию «идеологией науки как профессии» [8, с. 182].

² Подробнее об этом см.: [10], [15].

мания всемирного резонанса «явления» М.М. Бахтина в последней трети XX в.

Разумеется, тот «бум» надо отличать от реального диалога с баhtинским «диалогизмом», но сводить этот последний к ограниченности и заблуждениям прежних толкований – еще большая aberrация, сменившая предшествующие, что называется, с точностью до наоборот. *Изранка всегда хуже лица* [2, с. 285] – такое переворачивание традиционных понятий литературоведения и идеалистической эстетики XIX в. («содержание» и «форма»), их превращение в изнаночного двойника («материал» и «прием»), т.е. в *материальную эстетику* или так называемую формалистическую парадигму XX в., – симптоматично для многих попыток в прошлом столетии оспорить свои же классические традиции Нового времени радикализуя, однако, само оспариваемое и отрицаемое.

Здесь не место говорить обо всем этом сколько-нибудь подробно. Достаточно сказать, что в новом столетии наступил (точнее – стал о откровенным и повседневным) «конец разговора» эпох и веков Нового времени [10]. Сегодня, когда Бахтин в очередной исторический раз как будто преодолен, сброшен с корабля современности и снова, но по-иному стал «бывшим» (как уже в 1920-е годы), – теперь-то и обнаружилось, что, несмотря на огромную критическую литературу, на более или менее удачные подступы, наблюдения, определения и сопоставления, – подлинная встреча с этим русским автором так и не состоялась ни у нас, ни на Западе, и в те области его наследия, которые, казалось, давно исследованы, странно сказать, почти вовсе еще не ступала нога человека (исследователя). Открывшиеся было в шестидесятые – восьмидесятые годы перспективы понять и развивать сказанное М.М. Бахтиным, похоже, утратили бытую актуальность и привлекательность. Но это – с одной стороны.

С другой стороны, для тех относительно немногих, кто в современных условиях сохраняет исследовательский интерес к наследию М.М. Бахтина, в происшедшей перемене есть свои плюсы: отселились многие случайные люди, привлеченные не столько предметом, сколько модой; завершившееся под руководством С.Г. Бочарова собрание сочинений предоставляет новые исследовательские возможности; а главное, в принципе невозможны прежние наив-

ные иллюзии, что идеи и тексты М.М. Бахтина можно понять и развивать сходу, *ad hoc*, как бы перепрыгивая через все то, что отделяет поворотную эпоху «переживания» первой трети XX в. от последней его трети и от наступившей теперь эпохи «выживания» и, так сказать, онемения «междучеловеческого». В этой ситуации и атмосфере приходится признать, что самые известные термины и концепции М.М. Бахтина – «диалогизм» и «полифония», «гротескный реализм» и «карнавальная амбивалентность», «память жанра» и «романизация» мира в слове, образе и историческом сознании – остаются во многом еще не понятыми, не оцененными и, в общем, не продуктивными³.

М.М. Бахтин (не он один, конечно, но он – радикально) «завис» теперь между прошлым и будущим; настолько распалась онтологически-событийная «связь времен». Погоня за будущим в Новое время⁴ сегодня обернулась утратой (или подменами) о «кновом», забвением того элемента всякой современности, который молодой М.М. Бахтин называет в своей философско-христологической антропологии «абсолютным будущим» [1, т. 1, с. 161].

Явное или скрытое раздражение, сменившее в наше время прежний энтузиазм, мотивировано не только некомпетентностью, внутренним безразличием и «ресентиментом одураченных» [7], но и более глубоким отчуждением, особенно на родине. Спасаясь от советских символов и штампов, позднесоветское и постсоветское научно-гуманитарное сознание оказалось дезориентированным и в лучшем случае эпигонским; отторжение «совка» в популярном сознании сменилось ностальгией по прежней жизни, а в гуманитарном сознании – ностальгией по досоветской «культуре», по так называемому серебряному веку – как если бы после него на-

³ Еще 1995 г. С.Г. Бочаров отметил по случаю столетнего юбилея Бахтина «<п>ротиворечие в размахе признания и невостребованности по существу». «Бахтин – в авангарде, литература о нем уже необъягна, но где продолжатели его дела?» [5, с. 508].

⁴ В заметках о Флобере (1944) об этой одержимости будущим читаем: «<...> допускается какое-то чудесное крайне резкое ускорение в темпах движения к истине за последние четыре века; расстояние, пройденное за эти четыре века, и степень приближения к истине таковы, что то, что было четыре века назад или четыре тысячелетия назад, представляется одинаково вчерашним и одинаково далеким от истины» [1, т. 5, с. 136].

ступило почти одно только зло и «меон». К примеру, концепция Вяч. И. Иванова о «трагической» основе творчества Достоевского современному сознанию как-то ближе и понятнее, чем *серъезно-смеховой* карнавальный катарсис в романах Достоевского, в соответствии с которым, по мысли М.М. Бахтина, «ничего окончательного в мире еще не произошло <...>, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [1, т. 6, с. 187]⁵.

Приходится говорить о «черном квадрате» мировой известности и «влияния» М.М. Бахтина: для филологов и историков культуры он, похоже, слишком «философ», а для философов – слишком «филолог» и «литературовед»; для западных гуманитариев он – чересчур «русский», а для советских и постсоветских – чересчур «европеец».

Нужно до конца осознать этот «черный квадрат» рецепции для того, чтобы попытаться поставить вопрос о «другом начале» – новых возможностях, новых подступах ко всем, казалось бы, давно известным, но не вполне *разделенным* (в смысле английского глагола *share*) проблемам бахтинского наследия. И не только этого наследия.

Но как возможно что-то новое, по-настоящему актуальное в науках исторического опыта (чаще называемых гуманитарными) в такой исторической ситуации, когда «новое», похоже, оказывается под вопросом?

⁵ Как и все основные концепции М.М. Бахтина, идея нетрагического катарсиса, по-видимому, наметилась у него в самом начале творческого пути. Участник бесед с М.М. Бахтиным в Невеле летом 1919 г. выдающийся литературовед-мыслитель Л.В. Пумпянский, преодолев трагический символизм Вяч. И. Иванова под влиянием устно изложенной М.М. Бахтиным его философии «нравственной реальности (действительности)», вслед за тем вскрыл и описал не в трагедии, а в комедии (в «Ревизоре» Гоголя) предпосылки и символы тогдашних российских событий. Осенью того же года он с благодарностью вспоминал летний доклад М.М. Бахтина 1919 г. о символизме: «Вина за комедию лежит на символе <...>. По словам того одинокого, благородного философа, которому я посвятил эту работу («Опыт построения релятивистической действительности по “Ревизору”», – В.М.), “чрезвычайного ничего не произошло”, и моя душа свободна» (цит. по: [13, с. 99]).

Будущее-в-прошедшем

Поскольку «абсолютное будущее» – творческий потенциал научно-гуманитарного мышления – на сегодняшний день проблематичен, а традиционный идеал культуры-образования утратил прежнюю значимость и действенность [14], то актуальные возможности исследования сегодня открываются не в горизонте нашей современности, а, скорее, в конкретно-исторических источниках авторства минувших эпох. В наше время история любой науки интереснее и перспективнее разнообразных симуляков «научности» и «теории», претендующих на актуальность и новизну. Что если М.М. Бахтин прав, и современность прошлых эпох *равноправна* нашей современности в самой своей чуждости ей, а *вненаходимость* М.М. Бахтина эпохе так называемого постмодерна заключает в себе больше возможностей, чем как бы понятое нам «свое»?

Именно Ю.М. Лотман однажды высказал гипотезу о возможности такой гротескно перевернутой ретроспективной перспективы⁶. Во всяком случае, как кажется, не решен вопрос, поставленный французским славистом Клодом Фриу полвека назад во времена расцвета структурализма, провозглашений «смерти автора» и особо продвинутых переиначиваний бахтинского авторства. А именно: остается ли М.М. Бахтин в основном уже в прошлом или у его мышления еще есть какие-то перспективы на будущее, «впереди или позади нас Бахтин»? [15].

Задача гуманитарно-филологического мышления после конца Нового времени, как мне представляется, состоит в том, чтобы освободить творческую, смысловую современность прошлого, говоря словами М.М. Бахтина, *из плена своего времени* [1, т. 6, с. 456], но освободить во времени же, точнее – в *большом времени* [там же, с. 454]. Не так ли он сам подходил к Достоевскому, Рабле, Шекспиру, Пушкину, Гоголю, к народно-смеховой культуре, которую он, как известно, противопоставил *всей идеологической культуре нового времени* ([1, т. 2, с. 59], [1, т. 6, с. 91]), т.е. последних

⁶На одной из первых международных конференций, посвященных наследию М.М. Бахтина (1983), завершая свое выступление, Лотман сказал примерно следующее: «Дело не в том, как мы видим Бахтина, а в том, как он нас видит» (ср.: [9, с. 156]).

четырех веков европейской истории [1, т. 5, с. 89]? Но важно и другое, открывшееся нашему времени: бахтинский диалогизм полемичен, так сказать, на обе стороны: критика *теоретизма* и *монологизма* так называемого классического разума Нового времени включает в себя и монологическое же отрицание монологизма его двойником и изнанкой в модерных и постмодерных авангардах XX в., все то, что в программном тексте нашего автора в связи с Ницше определяется как *абсурд современного дионисийства* [1, т. 1, с. 46].

Тематизируемый здесь подход, конечно, не нов: таким было и остается направление классической и особенно современной философской герменевтики. Но стоит подчеркнуть его актуальность в условиях современности, утратившей прежние перспективы. Именно потому, что ресурсы «абсолютного будущего» и «нового» после конца Нового времени, похоже, исчерпаны, снова и по-новому возникает старая проблема «древних и новых», которую в терминах М.М. Бахтина можно формулировать следующим образом:

В условиях *взаимной венчаной необходимости* [1, т. 6, с. 432] прошлого и настоящего в опыте истории следует признать смысловой избыток *видения* не столько за нынешней современностью в ее отношении к прошлому, сколько, наоборот, за прошлым в его отношении к настоящему. Иначе говоря, возможности «нового слова» скрыты не в нашей современности, а в незавершенной смысловой современности творческого опыта предшествующих эпох, лишь по видимости завершенных «в плену» своего времени. Не вполне осознанные творческие открытия далекого и недавнего прошлого должны войти в сознание нашей современности в качестве *равноправного* (а не модернизированного) избытка видения и смысла. В терминах «первой философии» молодого Бахтина это же можно выразить так: источник авторства бахтиноведческих исследований сегодня – это *не я, а другой*; не собственно мое будущее, а (по аналогии с английской грамматикой) «будущее-в-прошедшем», которое предстоит открыть в противостоянии бесплодности своей современности – ради ее же самой [16].

Современный негромкий интерес к наследию М.М. Бахтина, к счастью, не «актуален» и не «своевременен». О М.М. Бахтине сегодня, увы, почти нечего сказать широкой аудитории ни в

авторитетных журналах, ни тем более в СМИ. Бахтиноведческие исследования (как и многое другое в современной духовно-идеологической культуре) должны пройти через «карнавальный» процесс *смерти – воскресения* (ему соответствует, между прочим, новозаветный эпиграф к последнему роману Достоевского) – пройти для того, чтобы могла возникнуть перспектива «другого начала»⁷.

Творящее сознание

В заключение я намечу подход, или подступ, к «другому началу» в плоскости кардинальной проблемы мышления М.М. Бахтина – проблемы автора. Речь идет действительно о проблеме, и вот почему.

Современное научно-гуманитарное мышление традиционно опирается на одну из двух взаимоисключающих эпистемологических и духовно-идеологических традиций – абстрактно-персоналистическую («субъективную») и абстрактно-теоретическую («объективную»). В плане *философии языка* М.М. Бахтина, как известно, проанализировал и оспорил в 1920-е годы обе эти традиции Нового времени как односторонности, обозначив их (на языке и с позиции марксиста, которого не было) в качестве «киндинидиалистического субъективизма» (немецкая школа Фосслера) и «абстрактного объективизма» (французская школа Соссюра)⁸. Научно-философская позиция самого М.М. Бахтина еще и сегодня противостоит и той и другой «школе», причем неформально: полемика у нашего автора всегда выражается не в отрицании оспариваемой точки зрения, а в амбивалентной критике относительной правоты ее – правоты *хорошего врага* (как сказано в конце «Формального метода в литературоведении») [2, с. 148]. В этом – не-

⁷ Покойный В.В. Бибихин, исследователь скорее чуждый Бахтину, тем не менее сблизил задачу «другого начала» не только с поздним Хайдеггером, но и с М.М. Бахтиным [3].

⁸ Ср.: «Насколько школа Фосслера не популярна в России, настолько популярна и влиятельна у нас школа Соссюра» [2, с. 397]. Отсюда понятно, почему в 60-е годы и позднее структурно-семиотическое мышление можно было или отвергнуть, или принять, но не оспорить диалогически.

обычность и трудность всякого подступа к М.М. Бахтину как мыслителю⁹.

Обе упомянутые выше лингвофилософские школы, казалось бы, диаметрально противоположные, имеют, по мысли М.М. Бахтина, общую *моналогическую* предпосылку, иначе говоря – *презумпцию самодовлеющей, самодостаточной автономии*: в одном случае это автономия индивидуального, персонального бытия (поступка, высказывания, авторства и т.п.), в другом – автономия *социального* бытия, понятого «научно», т.е. общезначимо и объективно. В историко-культурном плане автономия первого типа ассоциируется, как правило, с романтизмом XIX в. и с неоромантизмом и экзистенциализмом XX в., тогда как автономия второго типа, восходящая к Декарту и картезианству, связана со структурализмом и деконструктивизмом второй половины прошлого столетия. Какая реальность стоит за языкам и текстами всех этих тенденций, школ и трендов конца Нового времени с точки зрения нашей проблемы?

Если «немецкая» научно-гуманитарная традиция сохраняла еще живую связь со своими гуманистическими источниками (правда, как подчеркивает Бахтин, – на идеалистической почве), то «французская» традиция, полемически отталкиваясь от идеализма, индивидуализма и субъективизма Нового времени во имя идеала объективной науки, тяготела к *переоценке материального момента* [1, т. 1, с. 269] и проложила путь к радикальному материалистическому «стиранию» слишком человеческого элемента в гуманитарном знании, к «теоретическому антигуманизму» и «семиотическому тоталитаризму».

Исторически и психологически вполне понятно, почему в ситуации «пост-» (постгуманизм, постформализм, постмарксизм, постфрейдизм, постструктурализм и т.п.) нашего мыслителя понапачалу принимали за «своего» как идеологи «индивидуалистического субъективизма» (превращая его, особенно в России, в религиозно-метафизического идеалиста), так и идеологи «абстрактного объективизма» (превращая его, особенно на Западе, в формалиста, структуралиста, деконструктивиста, пророка «карнавальной рево-

⁹ Не случайно в наиболее интересных бахтиноведческих исследованиях последнего времени в центре внимания – собственно философская проблематика наследия М.М. Бахтина в ее конкретно-историческом аспекте.

люции» и «смерти автора»). То были, как отмечено выше, «постмодернизации», методологически оспоренные М.М. Бахтиным за десятилетия до того, а в 60–70-е годы обернувшиеся – с опорой на М.М. Бахтина – против него самого¹⁰.

Проблема автора в мышлении М.М. Бахтина особым образом переплетается с проблемой его собственного авторства. Она не снята ни прежней модой, ни сегодняшним безразличием или ресентиментом, а только ушла из публичной *риторики в меру ее лживости* в неофициальную глубину и немоту того, что в бахтинской монографии о Достоевском называется *состоянием общества* ([1, т. 2, с. 36], [1, т. 6, с. 35]). Иначе говоря, не только *радикально новая авторская позиция по отношению к изображаемому человеку* [1, т. 6, с. 68] в художественном мире Достоевского постулируется в знаменитой, но вряд ли понятой книге нашего автора. С объективным состоянием общества, похоже, связано всякое личное авторство, но как-то по-особому – по ту сторону бинарной оппозиции «субъективного» – «объективного».

Не подлежит сомнению, что «автор» в понимании М.М. Бахтина – это принципиальное условие возможности всякого поступка, высказывания, произведения и даже «текста». Но, с другой стороны, не менее очевидна проходящая через все бахтинское творчество критика *монологического* понимания сознания, поступка, высказывания, т.е. самодовлеющего, автономно-персонального авторства. «Мир Бахтина, – писал С.Г. Бочаров, – экзистенциален насквозь» [5, с. 517]. Да, но в каком смысле? Соответствуют ли расхожие представления об «экзистенциальности» мышлению нашего автора, в котором само это слово отсутствует, а «экзистенциализм» (как философское направление) упоминается в перспективе его «преодоления»?¹¹

¹⁰ По свидетельству С.Г. Бочарова, М.М. Бахтин в начале 70-х годов «усмехался, читая французскую критику на только что там появившиеся переводы двух своих книг (о Достоевском и Рабле. – В.М.): получалось, что идеи свободы героя от автора и карнавальной антиавторитарности очень созвучны их студенческой революции» [5, с. 508].

¹¹ В книге о Рабле (1965) автор в примечании ссылается на книгу (1963) немецкого философа О.Ф. Больнова, вышедшего из так называемой школы Дильтея, а позднее учившегося у Хайдеггера, посвященной «проблеме преодоления экзистенциализма» [1, т. 4(2), с. 297].

Как личность, так и автор актуально «экзистируют», т.е. гротескно выходят за себя. Как это возможно? «У человека нет внутренней суверенной территории, – читаем в заметках к переработке книги о Достоевском (1961), – он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого <...>. Одно сознание – *contradictio in adjecto*» [1, т. 5, с. 344–345]. Но эти и подобные поздние формулировки (как, впрочем, и концепции *двутелого тела*, *гротескного тела*, *двухголосого слова* и т.п.) только вариации намеченного в программном тексте «К философии поступка» понимания всякого я как актуального тройского отношения: я–для–себя, другой–для–меня и я–для–другого (1, т. 1, с. 49). В статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926) актуальная разомкнутость авторства в эстетической (литературной) деятельности, намеченная в «Авторе и герое в эстетической деятельности» (1922–1924), обозначается словосочетанием *социальное взаимодействие трех* (автор, герой, читатель) [2, с. 83]¹².

Ясно, что так понятая *высшая степень социальности (не внешней, не вециной, а внутренней)* противостоит *всей декадентской и идеалистической (индивидуалистической) культуре* [1, т. 5, с. 344]. Как ранний, так и подсоветский Бахтин оспаривает не только дегуманизирующий теоретизм в трактовке реальных феноменов исторического опыта, но также индивидуалистический гуманизм, восходящий к Ренессансу. Это очень важный момент, его часто недооценивают, делая акцент на бахтинской критике Соссюра и его школы и оставляя почти без внимания немецкую школу с ее монологизмом персоналистическим¹³.

¹² Акцент на социальном и социологическом аспекте бытия, мышления и творчества связан у М.М. Бахтина не с так называемым вульгарным социологизмом 1920-х годов (советским и западным), а с радикальным поворотом в большой философии того времени к «социализации» (*Vergesellschaftung*) феноменов исторического опыта и духовной истории вообще. Достаточно напомнить имена Г. Зиммеля, К. Мангейма, М. Шелера.

¹³ Так, например, в англо-американской литературе о М.М. Бахтине два противостоящих друг другу направления интерпретации – «гуманисты» и «марксисты» – склонны понимать известную симпатию М.М. Бахтина к школе Фосслера (к Л. Шпицеру и др.) как не изжитый до конца «романтизм» М.М. Бахтина – с той, правда, разницей, что с «гуманистической» точки зрения этот «романтизм» сохраняет принцип личности, а с позиции научного марксизма это – анахронизм. В том и другом случае имеют в виду не подлинный романтизм в его истоках, а

В «Авторе и герое...» Бахтин вводит понятия «другость», «хор» и «хоровая поддержка» применительно, казалось бы, к наиболее «внутреннему» роду словесного искусства – лирике¹⁴. Начиная со второй половины 1920-х годов, эти феноменологические понятия заменяются – сначала от лица гипотетического марксиста, потом от собственного имени – обычными в то время в СССР и на Западе понятиями «социальный» и «социологический», которые получают у нашего автора очень необычное значение и смысл. *Другость, хор, хоровая поддержка* – это реальные, конкретно-исторические условия возможности персонального авторства (с особой остротой осознаваемые в их отсутствии). Отныне феноменологический дискурс «социализируется» в применении таких понятий, как «внутренняя аудитория», «внутренняя социальность», «состояние общества», «внутренне убедительное слово», «идеологическая среда сознания», «социальная оценка» и «социальная атмосфера», «хронотоп» и «жанры речи», а в книге о Рабле возвращается скорее историческая, чем античная, идея «хора». Можно сказать, что Рабле на переломе от Средневековья к Новому времени в XVI в., а Достоевский – на переломе от крепостнической России к *почти катастрофическому русскому капитализму* – стали действительно *корифеями народного хора* (в первом случае – народно-карнавального, во втором – народно-полифонического).

Тем самым, как представляется, здесь подготовлен подступ к специфически бахтинскому словосочетанию «творящее сознание» [1, т. 5, с. 132]. Оно встречается в упоминавшихся выше заметках о Флобере, когда, казалось, забрезжила перспектива публикаций¹⁵.

современные штампы и инерции восприятия. С обеих этих позиций, конечно, трудно увидеть и оценить диалогическую полемику М.М. Бахтина с подлинным романтизмом в философии и литературе – в «Авторе и герое», в книге о Достоевском, в теории романа, а подспудно и с превращенными формами романтизма и идеализма в современном мышлении.

¹⁴ Ср.: «Лирика – это видение и слышание себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого; я слышу себя в другом, с другим и для других <...>, возможный хор – вот твердая и авторитетная позиция внутреннего – вне себя, авторства своей внутренней жизни» [1, т. 1, с. 231].

¹⁵ Насколько можно судить, М.М. Бахтин вообще несклонен был писать «в стол»; письменный текст возникал тогда, когда появлялась перспектива публикации, а значит, вступить в разговор, в современную дискуссию. Во всяком случае,

Эта формулировка одна из вариаций термина «авторство», синонимичная программным понятиям М.М. Бахтина – *поступающее сознание, участное мышление* и т.п. Старый штамп – «творческое сознание» – меняется здесь на *творящее сознание* – рабочий термин, подчеркивающий активный и продуктивный характер авторства как одновременно «индивидуального» и «социального». Эта двойственность проявляется особенно в художественном творчестве, в понимании так называемой авторской позиции. Ее обычно понимают или рационалистически (ссылаясь на высказывания автора «в жизни»), или, наоборот, иррационалистически (ссылаясь на «бессознательный» аспект творящего сознания).

Между тем «авторская позиция» в сознании творящего и в его же сознании вне творчества – это два разных типа *ответственности* (отношения), которые в историко-литературных анализа зачастую смешиваются [1, т. 1, с. 92] Понятие творящего сознания, надо полагать, позволяет избежать смешения «слова в жизни» и «слова в поэзии», но в то же время – и это главное – делает возможным по-новому понять и исследовать взаимосвязь между обеими этими сферами, в значительной степени разрушенную в прошлом столетии в попытках отделить и противопоставить одну автономию другой. Бахтин сохраняет актуальную взаимосвязь между ними, переосмысливая эту взаимосвязь, и на этой по-новому традиционной основе по-новому сохраняет идею автономии – как *причастной*¹⁶.

все ранние, программные свои тексты 1921–1924 гг. он просто бросал писать, когда перспектива публикаций исчезала.

¹⁶ Ср.: «Когда автор творил, он переживал только своего героя и в его образ вложил все свое принципиально творческое отношение к нему, когда же он в своей авторской исповеди, как Гоголь и Гончаров, начинает говорить о своих героях, он высказывает свое настояще отношение к ним, уже созданным и определенным, передает то впечатление, которое они производят на него теперь как художественные образы, и то отношение, которое он имеет к ним, как к живым определенным людям с точки зрения общественной, моральной и пр., они стали уже независимы от него, и он сам, активный творец их, стал также независим от себя – человека, критика и психолога или моралиста» [1, т. 1, с. 91].

* * *

В порядке того, что немцы называют *Ausblick* – итог исследования с перспективой на будущее, выскажем два соображения. Во-первых, возобновляя вопрос, на который в советские времена отвечали традиционно идеологически и по-манихейски: «или – или», можно сказать, что своеобразное место М.М. Бахтина в культуре XX в., – это место между «классической» традицией и «постклассическими» попытками преодолеть ограничения и предрассудки Нового времени, особенно идеал автономии (теории, природы, искусства, науки, культуры и т.п.), – идеал, который, по словам упоминавшегося Р. Гвардини, «оказался слепым» (6, с. 154)¹⁷. Во-вторых, и это следует из первого, Бахтин с самого начала противопоставил бинарной оппозиции: «классика» – «модернизм», систематическое единство целого – свобода и независимость от целого и т.п. – сформулированную в полемике с отечественным формализмом (1924) концепцию *конкретной систематичности* всякого явления культуры, идею *причастной автономии* – или *автономной причастности* [1, т. 1, с. 282]. Иначе говоря, все области культуры и сама культура, не исключая сколь угодно творящее сознание, не довлеют, не самодостаточны, не самоценны и не понятны только «в себе и для себя». Нет, они живы и значимы в отношении к чему-то большему, чем они сами по себе, причастны *событию бытия*, в котором поступающее и творящее сознание не стирается, а наоборот, обретает мотивированную вне себя автономию и свободу.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 1996–2012.

¹⁷ М.М. Бахтин, разумеется, не был абсолютным одиночкой с точки зрения этого «между». В философии ему в поздние годы, видимо, ближе была философская антропология и идущая от В. Дильтея философия гуманитарных наук, а в современной литературе – гротескный реализм Т. Манна. Обращает на себя внимание разительное сходство бахтинской теории романа с воззрениями на роман Т. Манна.

2. М.М. Бахтин (под маской). М.: Лабиринт, 2000. 638 с.
3. Бибихин В.В. Другое начало (1994) // Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 332–347.
4. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него (1993) // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 472–502.
5. Бочаров С.Г. Событие бытия: М.М. Бахтин и мы в дни его столетия (1995) // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 503–520.
6. Гвардина Р. Конец нового времени (1950) // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.
7. Долгорукова Н.М., Махлин В.Л. Ресентимент одураченных // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 444–450.
8. Кун Т. Структура научных революций (1962). М.: АСТ, 2001.
9. Лотман Ю.М. Наследие Бахтина и актуальные проблемы семиотики (1984) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПб., 2002. С. 151–156.
10. Махлин В.Л. Конец разговора (к герменевтике современности) // Гуманитарное знание и вызовы времени / под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 125–143.
11. Махлин В.Л. Опоздавший разговор // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 360–380.
12. Михайлов А.В. Вильгельм Дильтей и его школа // Михайлов А.В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 225–321.
13. Николаев Н.И. М.М. Бахтин в Невеле летом 1919 г. // Невельский сборник. Вып. 1. СПб.: Акрополь, 1996. С. 96–101.
14. Ридингс Б. Университет в руинах (1995) / пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 304 с.
15. Фриу К. Бахтин до нас и после нас (1971) // М.М. Бахтин: антология критики второй половины XX века / под ред. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 80–92.
16. Makhlin V. Future-in-the-Past: Mikhail Bakhtin's Thought Between Heritage and Reception // The Palgrave Handbook of Russian Thought / ed. by Marina F. Bykova, Michael Forster, Lina Steiner. New York, London etc.: Bloomsbury Academic, 2021. P. 643–657.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) vols] [Collected Works : in 6 (7) vols]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996–2012. (In Russ.)
2. *M.M. Bakhtin (pod maskoi)* [M.M. Bakhtin (under the Mask)]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 638 p. (In Russ.)
3. Bibikhin, V.V. “Drugoje nachalo” [“Another Beginning”] (1994). *Drugoje nachalo [Another Beginning]*. St Petersburg: Nauka Publ., 2003, pp. 332–347. (In Russ.)
4. Bocharov, S.G. “Ob odnomrazgovore i vokrug nego” [“About One Conversation and Around it”] (1993). *Syuzhety russkoj literatury* [The Subjects of Russian Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1999, pp. 472–502. (In Russ.)
5. Bocharov, S.G. “Sobytiye bytija: M.M. Bakhtin I my v dni jego stoletija” [“The Event of Being: Bakhtin and Us in The Days of His Centenary”] (1995). *Syuzhety russkoj literatury* [The Subjects of Russian Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1999, pp. 503–520. (In Russ.)
6. Gvardini, R. “Konets novogovremeni” [“The End of Modern Period”] (1950). *Voprosy filosofii*, no. 4, 1990, pp. 127–163. (In Russ.)
7. Dolgorukova, N.M., Makhlin, V.L. “Resentiment odurachennych” [“Resentiment Of the Fooled”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2013, pp. 444–450. (In Russ.)
8. Kun, T. *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The Structure of Scientific Revolutions] (1962), transl. from English, Moscow: AST Publ., 2001. 320 p. (In Russ.)
9. Lotman, Yu.M. “Nasledije Bakhtina i aktual'nye problemy semiotiki” [“Bakhtin's Legacy and the Urgent Problems of Semiotics”] (1984). *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [The History and Typology of Russian Culture]. St Petersburg: Iskusstvo – SPb Publ., 2002, pp. 151–156. (In Russ.)
10. Makhlin, V.L. “Konets razgovora (k germenevtike sovremennosti)” [“The End of the Conversation”]. *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [Knowledge in the Humanities and the Challenges of Time], ed. S.Ya. Levit, Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnych initsiativ Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2014, pp. 125–143. (In Russ.)
11. Makhlin, V.L. “Opozdavshii razgovor” [“A Belated Conversation”]. *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroi poloviny XX v.: sovremenny vzglyad* [The Problems and Discussions in Russian Philosophy of the Second Part of the 20th Century], ed. V.A. Lektorskii, Moscow: ROSSPEN Publ., 2014, pp. 360–380. (In Russ.)
12. Mikhailov, A.V. “Vil'gel'm Dil'tei i ego shkola” [“Wilhelm Diltey and His School”]. *Izbrannoe: istoricheskaya poetika i germenevtika* [Selected Works: Historical Poetics and Hermeneutics]. St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, pp. 225–321. (In Russ.)

13. Nikolaev, N.I. “M.M. Bakhtin v Nevele letom 1919 g.” [“Bakhtin in Nevel” in Summer 1919]. *Nevel’skii sbornik*, issue 1, St Petersburg: Akropol’ Publ., 1996, pp. 96–101. (In Russ.)
14. Ridings, B. *Universitet v ryinach [University in Ruins]* (1995), transl. from English. Moscow: Isdatel’skii dom GU-VSCE, 2010, 304 p. (In Russ.)
15. Friu, K. “Bakhtin do nas i posle nas” [“Bakhtin Before and After Us”] (1971). *M.M. Bakhtin: antologiya kritiki vtoroi poloviny XX veka [M.M. Bakhtin: Anthology of Criticism of the Second Half of the 20th Century]*, ed. V.L. Makhlin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 80–92. (In Russ.)
16. Makhlin, V. “Future-in-the-Past: Mikhail Bakhtin’s Thought Between Heritage and Reception”. *The Palgrave Handbook of Russian Thought*, ed. by Marina F. Bykova, Michael Forster, Lina Steiner. New York, London etc.: Bloomsbury Academic, 2021, pp. 643–657. (In English).